

Ю. И. Докучаева

Концепт «образа врага» в дискурсе комбатантов о русско-японской войне

Автор рассматривает содержание концепта «образ врага» в сознании комбатантов относительно русско-японской войны. Немаловажным стимулом к разработке обозначенной темы послужили гуманоцентрические тенденции исторической науки – стремление историков обратиться к изучению психологии и сознания человека ушедших эпох. Новизна исследования заключается в применении дискурсивного анализа с целью повышения информативности текстов, созданных комбатантами русско-японской войны. Для проведения исследования была выбрана группа источников личного происхождения, а именно письма, дневники и воспоминания Г. К. Графа, К. И. Дружинина, С. А. Рашевского, А. В. Колчака, Б. К. Шуберта и других участников русско-японской войны. Автор статьи приходит к выводу, что в восприятии комбатанта его противник не лишен конкретных черт характера: смелый, стойкий, хладнокровный, дисциплинированный воин, преданный своему отечеству, способный преодолеть страх смерти и совершить неожиданные маневры на поле боя. В то же время безжалостно несущие погубить японская артиллерия, мины, мифические подводные лодки внушали больший страх российским комбатантам, чем конкретные воины вражеской армии.

Ключевые слова: военная антропология, русско-японская война 1904–1905 гг., комбатанты, образ врага, образ войны, дискурс, дискурсивный анализ, мемуаристика, психология боя.

Ju. I. Dokuchaeva

The Concept «Enemy Image» at the Combatants' Discourse of the Russo-Japanese War

The author of the article studies the enemy image, created by the combatants of the Russo-Japanese War. The topic was inspired by growing interest in the modern scientific society to the people of the past and their way of thinking. That is why the author's primary attention is given to the issue of combatants' mentality. The memoirs, letters and diaries, written by the participants of the Russo-Japanese War such as G. K. Graf, K. I. Druzhinin, S. A. Rashevsky, A. V. Kolchak, B. K. Shubert, were analyzed using the discourse studies. As a result it became obvious that the Japanese officers, soldiers are described as courageous, composed and disciplined warriors with firm character. The Russian combatants considered their enemies to be patriots who were able to overcome their fears and perform unexpected manoeuvres at the battlefield. The Russian combatants respected their enemy, but at the same time they were frightened by the Japanese artillery, bombs and submarines.

Keywords: the war anthropology, the Russo-Japanese War in 1904 – 1905, combatants, the enemy image, images of the war, discourse, discourse studies, memoirs, military psychology.

Война – столкновение двух культур, которые в процессе взаимодействия корректируют представления друг о друге, дополняют их новыми чертами, развивают уже сложившиеся стереотипы мышления. Именно антропологическое измерение войн прошлого, связанное с изучением ментальности «человека с ружьем», его представлений о войне и противниках как представителей других народов и социумов становится одной из активно освещаемых тем в современной философской, культурологической, политологической и исторической литературе [10, с. 4].

В условиях боевой обстановки человек другой культуры воспринимается не просто как чужак, но как «враг», проявляющий агрессию по отношению к родине комбатанта и стремящийся физически уничтожить его в бою. Следовательно, «образ врага» становится механизмом пропаганды и формирования общественного сознания масс во время войны. Однако комбатанты – это

часть населения, которая может непосредственно взаимодействовать с противником и получать представление о нем, опираясь на личный опыт. Одним из наименее исследованных «образов врага» в современной гуманитарной науке остается образ Японии как военного противника в кампании 1904–1905 гг.

Вопрос представлений о японцах и Японии как враге России стал актуален для отечественных историков в конце XX – начале XXI в. Современный исследователь, ведущий изыскания в русле исторической антропологии и истории «ментальностей», Е. С. Сенявская охарактеризовала эволюцию образа Японии как одного из военных противников России в XX в.: в начале русско-японской войны японцев воспринимали как «азиатских варваров», а затем сформировалось представление о Японии как противнике, способном на благородные поступки по отношению к побежденным [7, с. 27–36].

Пристальное внимание на формирование и эволюцию образа врага обратила Л. В. Жукова. Проанализировав информацию из различных источников (периодической печати, статистических источников, документов личного происхождения), историк пришла к выводу, что в восприятии россиян господствовало представление о японцах как воплощении «желтой угрозы». Русско-японская война, благодаря многочисленным и массовым контактам комбатантов с противником на поле боя и в плену, способствовала гуманизации образа японцев, но в целом участнику войны японец представлялся как лишенный конкретных черт, обезличенный противник, при описании которого применяется нейтральная лексика, не упоминаются имена собственные [7, с. 269–275].

Следовательно, проблема представлений российских комбатантов о враге во время русско-японской кампании 1904–1905 гг. только начинает привлекать внимание исследователей. В частности, еще не предпринималась попытка применения дискурсивного анализа при анализе текстов, созданных участниками русско-японской войны. Именно изучение языка, его форм и функционального назначения позволяет в антропологическом исследовании повысить информативную отдачу источников личного происхождения.

Объектом исследования выступает менталитет комбатанта русско-японской войны 1904–1905 гг., а предметом – концепт «образа врага» в дискурсе комбатанта о войне. Цель данного исследования – путем привлечения широко спектра источников личного происхождения (писем, воспоминаний, дневниковых записей участников русско-японской войны) выделить конкретные черты «образ врага» в сознании комбатанта. Для этого были поставлены задачи проанализировать лексический арсенал описания японцев, которым пользовались участники войны, а также рациональные и иррациональные страхи, которые японские армия и флот внушали российским комбатантам.

Источниковой базой для исследования стали документы личного происхождения: дневники, письма, мемуары участников русско-японской войны. Нельзя не отметить, что «образ врага» в сознании комбатанта делится на два типа: синхронный (эволюция представления о враге во время войны) и послевоенный. Первый тип представлен в дневниках С. А. Рашевского и Г. Колоколова, А. В. Колчака, письмах А. А. Щербатова. Послевоенный образ неприятеля иллюстрируют воспоминания Г. К. Графа, К. И. Дружинина,

Б. К. Шуберга, Г. Колоколова, Домницкого. Однако в ходе исследования было установлено, что для источников первого и второго типов характерно лексическое единообразие в описании противоборствующей стороны. Следовательно, можно вести речь о едином концепте «образа врага», который сформировался в сознании комбатантов как элемент дискурса о русско-японской войне. Как дополнительный источник информации о поведении и восприятии войны комбатантами использовались воспоминания А. В. Холмогорова, полкового священника и участника обороны Порт-Артура, и В. С. Кравченко, военного врача на крейсере «Аврора» и свидетеля Цусимского сражения.

Проанализировав описания боев под Порт-Артуром [2; 9, с. 62–74], морского боя в Корейском проливе [8, с. 197–233; 6], Цусимского сражения [12, с. 86–118], сражения за Северный Сахалин [3, л. 1–40], можем отметить, что, как правило, противная сторона чаще всего обозначается комбатантами как «японцы», затем «неприятель», «противник», и реже всего «враг». В ходе боевых действий чаще всего используются прилагательные «японские» или «неприятельские» в сочетании с существительными: *войско (или войска), флот, флотилия, отряд, кавалерия, всадники, крейсер, суда, броненосец, корабль, разведчик, миноносцы, снаряды, офицеры и солдаты, главнокомандующий*. Иными словами, комбатанты описывают происходящее на поле боя, называя вещи своими именами, для ясности описания обозначая, где «неприятельские» суда или отряды, а где – «наши». Также в дневниках, письмах и воспоминаниях упоминаются имена известных японских комбатантов: адмирала Х. Того, маршала М. Нодзу, генерала М. Ноги, адмирала Г. Ямамото, маршала И. Ойямы, парламентаря майора Ямаоки [2], вице-адмирала Х. Камимурэ [6; 8, с. 195], генерал-лейтенанта К. Харагути [3, л. 5]. Российские комбатанты довольно хорошо запоминали названия японских боевых кораблей и, описывая столкновения с неприятелем, старались перечислить названия участвовавших в бою судов [2; 6; 12, с. 102, 104–105].

Нельзя не заметить, что образ японского комбатанта не так безлик и лишен конкретности, как кажется на первый взгляд. Российские моряки отнюдь не недооценивали противника и его боевой потенциал, наоборот, считали японцев способными на любые действия ради достижения поставленной цели [12, с. 53]. После неожиданного нападения в ночь на 27 января (9 февраля)

1904 г. защитники Порт-Артура ждали, что враг свою следующую атаку приурочит к какой-то важной дате для российского подданного, например, Пасхе, чтобы еще раз заставить врасплох гарнизон крепости [2]. Военный инженер подполковник С. А. Рашевский описывает январские атаки на Порт-Артур как действия расчетливые, хладнокровные, невозмутимо спокойные, в то же время японцы предстают дерзкими комбатантами, способными на неожиданный маневр [2]. Однако испытывая определенный пиетет к достойному похвалы мужеству и выдержке противника, подполковник прекрасно осознавал, что все его хитроумные маневры направлены на истощение сил российской армии и успех в конечном счете обернется смертельной опасностью для защитников крепости, поэтому японцы описываются лексикой с ярко выраженной негативной окраской: «враг», и у этого врага есть «характер» и ему свойственно «причинять пакости» [2].

Нельзя не отметить, что, наряду с негативными проявлениями национального характера японцев, участники войны отмечали некие «красивые жесты» с их стороны. Защитник Порт-Артура лейтенант А. В. Колчак упоминает, как японцы передали осажденному Порт-Артуру частную корреспонденцию, что комбатант счел большой любезностью [9, с. 68]. Однако те же самые японцы на страницах дневника лейтенанта А. В. Колчака – изобретатели смертоносных «воздушных мин»: «...в нее (мину. – прим. автора статьи) кроме динамита вложено несколько фунтов рубленой толстой проволоки и мелкие и острые осколки от разорвавшихся снарядов – вообще весьма “гуманное” оружие и сторонникам мира и гуманности доставило бы много удовольствия...» [9, с. 70]. Действительно важны для лейтенанта не столько маленькие любезности и красивые жесты, но факт, что война – это соревнование с целью физически уничтожить противника или лишить его возможности оказывать активное сопротивление.

Свидетелями жестокости со стороны японских комбатантов стали и другие участники русско-японской войны. Г. К. Граф, участник Цусимского сражения, был возмущен действиями японского флота, которые оказались совсем не рыцарскими: неприятель обстреливал транспорты, которые не могли реально дать сдачи, «с какой-то особенной злостью продолжал осыпать “Камчатку” (транспортный корабль Второй Тихоокеанской эскадры. – прим. автора статьи) снарядами, хотя она уже тонула», осыпал снарядами

даже «тонущее днище и несчастных уцелевших». [1, с. 173–174].

Армия и флот неприятеля – это всегда источник смертельной опасности для комбатанта. Корень любого страха, который испытывает человек, – это страх, что его физическое существование будет прервано неожиданно и бесповоротно. Именно эгоизм, забота о себе вызывает страхи в комбатанте. К. И. Дружинин пишет о природе солдатских страхов и факторов, которые их обуславливают: «Любое сражение, даже самая ничтожная стычка, требует от бойцов упорства, стремления не уходить из боя и победить во что бы то ни стало, – это есть стимул доблести и мужества; но в то же время в любом человеческом организме живет чувство самосохранения, стремление избавиться от тягости боя, а потому официально высказанный намек на то, что сперва можно будет сдавать, и только впоследствии – позднее выполнять, конечно способствовало торжеству подлости человеческой природы над ее доблестью» [1, с. 192–193]. С точки зрения комбатанта, дисциплина в армии, авторитет и грамотное руководство высшего командования – ключ к контролю над человеческой природой, ее низменными проявлениями и один из верных способов преодолеть страх смерти.

Начало XX в. – эпоха, когда новые изобретения, передовые технологии входили в жизнь рядового обывателя в России. Комбатант становился свидетелем применения в бою мощных военных технологий, поэтому в коллективном сознании появлялись страхи, обусловленные реалиями военного времени и тревожными слухами, например, о новейшем оружии, которым располагали японцы.

Участникам морских боев страх внушали миноносцы и угроза минной атаки. Например, мичман А. А. Щербатов причину своих переживаний объяснял так: «Ужасно неприятная штука миноносцы именно своей таинственностью и неизвестностью» [8, с. 184]. Мины – не выдуманный страх комбатанта, реальное оружие значительно поражающего действия, неосторожное обращение с которым могло привести к гибели людей не только на море, но и на суше. Полковник С. А. Рашевский описывает следующий случай: «Другой случай с миной окончился совсем печально: стрелки нашли мину в Голубиной бухте на берегу – очевидно, ее туда вынесло приливом. Не предвидя опасности, 12 стрелков взяли ее, чтобы отнести на пост, но от толчка при подъеме с зем-

ли мину взорвало и от всех 12 человек буквально следа не осталось...» [2].

Однако находились комбатанты, которые видели прекрасное поэтическое очарование в картине минного боя. Г. К. Граф в своих воспоминаниях дал очень красочное описание ночного боя с 14 (27) на 15 (28) мая 1905 г. у острова Цусима: «Как передать холодную бледность лучей прожекторов, как щупальца гигантского спрута, ищущих жертвы, мрачную яркость взрывов, уничтожающих за несколько секунд громадные корабли; наконец, напряженное внимание и непоколебимую настойчивость командира атакующего миноносца, во что бы то ни стало, несмотря на дождь сыплющихся на него снарядов, достичь требуемой дистанции, чтобы не выпустить мину впустую» [1, с. 176–177]. Атакующая сторона (а в упомянутом бою ей являлась японская эскадра) описывается с нескрываемым восхищением. Г. К. Граф наделяет командира японского миноносца такими положительными качествами как настойчивость, смелость, внимательность, терпение, выдержка, пренебрежение опасностью, способность выполнить поставленную цель в любых условиях. В то же время комбатант ужасается поражающей мощи изобретенного оружия, жертвой которого мог быть и он сам.

Наглядной демонстрацией силы минного оружия стала гибель эскадренного броненосца «Петропавловск» с вице-адмиралом С. О. Макаровым на борту 31 марта (13 апреля) 1904 г. Нельзя не заметить, что комбатанты, наблюдавшие за ходом боя, в том числе С. А. Рашевский, в первую очередь посчитали причиной катастрофического взрыва собственные минные заграждения (хотя «Петропавловск» подорвался на японской мине) [2]. С одной стороны, полковнику и его сослуживцам легче поверить в то, что из-за собственных ошибок и роковой невнимательности погиб боееспособный эскадренный броненосец с гордостью российского флота на борту, чем признать превосходство японской эскадры. С другой стороны, офицеры, смущенные панической стрельбой во всех направлениях российских кораблей, сделали вывод об использовании секретного оружия японцев – подводных лодок. Российские комбатанты не могли представить, что японцы известными всем способами минной атаки могут нанести такой сокрушительный удар по флагманскому кораблю, и охотнее искали причины в собственной небрежности или невиданном секретном оружии, потому что это

больше вязалось с образом хитроумного и коварного врага.

Этот стереотип сохранялся на протяжении всей русско-японской кампании. Среди личного состава кораблей Второй Тихоокеанской эскадры упорно распространялись слухи о японских подводных лодках [7, с. 94]. Постоянно находиться в состоянии тревоги, ожидать нападения неприятеля и сохранить рассудок, действовать рационально – достаточно трудная задача для комбатанта. Тем более в условиях, когда мысль о том, что японцы сильнее российской эскадры и применяют оружие, которым российский Тихоокеанский флот не обладал, не была проигнорирована даже адмиралом З. П. Рожественским. В приказе от 26 апреля 1905 г. № 229 для Второй Тихоокеанской эскадры значительную часть текста занимает описание сильных сторон японского флота: большие запасы плавучих мин, подводные лодки, многочисленные миноносцы, боевой опыт, беспредельная преданность престолу и родине, пренебрежение к смерти [7, с. 107].

В сравнении с японским солдатом российский аналог проигрывает по ряду важных для ведения боя качеств. Например, вот как описывает входящие в капитулировавшую крепость Порт-Артур японские войска А. В. Колчак: «Японские солдаты без оружия небольшими группами проходили в город и обратно, невольно обращая внимание на себя своим прекрасным обмундированием и дисциплиной – у нас, к сожалению, наоборот, – много распушенности и внешней и внутренней» [9, с. 73].

Одна из главных задач комбатанта на поле боя – справиться с психологическим напряжением, сохранить рациональность мышления и выполнить поставленную задачу. Однако нагнетание обстановки и представление об ужасных зверствах противника приводило к тому, что не все справлялись с этим и поддавались панике на поле боя. По воспоминаниям полковника Домницкого, паника часто была спровоцирована не реальным присутствием неприятеля, а парой беспорядочных выстрелов – их было достаточно, чтобы ввергнуть в хаос российские войска, обороняющие Северный Сахалин [3, л. 34].

Страх вызывал не столько конкретный вражеский воин, сколько последствия его действий, потому что в условиях войны начала XX в. человек погибал на поле боя не столько от рук другого человека, сколько становился жертвой разорвавшегося или упавшего снаряда. И следующий по значимости страх, который испытывали рос-

сийские комбатанты, – страх смерти от артиллерийского огня.

Именно снаряды как «посланники смерти» вызывали немалый страх у комбатантов в реальном бою. Г. К. Граф так описывает поведение моряков транспорта «Иртыш» во время Цусимского сражения, участником которого он был: «Японские снаряды ложились близко от “Иртыша”. Часть из них со страшным свистом и жужжанием проносилась над нашими головами. И хотя всеми сознавалось, что именно такой-то снаряд и не опасен, многие не выдерживали и «кланялись» [1, с. 169]. Аналогичные чувства испытал лейтенант Г. Колоколов, участник боя в Корейском проливе 1 (14) августа 1904 г., на крейсере «Россия»: «Вдруг с каким-то странным жужжанием или свистом снаряд перелетел через крейсер. Другой, третий – неприятный, резкий звук, голову как-то тянет вниз и хочется прыгнуть к палубе» [6]. Вести ответный огонь из скорострельных пушек маленького калибра по атакующим издали японским крейсерам Г. К. Граф и Г. Колоколов были неспособны, что только усугубляло страх смерти, который охватывал комбатантов.

Похожие страхи описывает священник В. Холмогоров, участник обороны Порт-Артура. На настроение и боевой дух гарнизона и жителей осажденной крепости влияли постоянный страх смерти от пролетающей пули или снаряда, оторванность от окружающего мира, от семьи и родных и мучительное ожидание неизбежной смерти [1, с. 49–50]. Неспособность справиться с сильными эмоциями и ожиданием неизбежной атаки неприятеля вызывала психологические расстройства и попытки самоубийства среди участников как сухопутных, так и морских боев [7, с. 26, 51, 89, 156, 178, 210].

Благодаря дискурсивному анализу удалось установить, что для российского комбатанта в первую очередь важна этническая принадлежность представителя противоборствующей стороны, затем то, что он проявляет агрессию (является неприятелем, противником). Японский комбатант предстает перед нами обладающим смелостью, выдержкой, стойкостью воином, дисциплинированным и преданным своему отечеству, способным преодолеть страх смерти и совершить неожиданные маневры на поле боя. Это хитроумный противник, способный на коварные поступки и безжалостно несущий погибель своим оружием: артиллерией, смертоносными минами и мифическими подводными лодками.

Библиографический список

1. Граф, Г. К. Моряки. Очерки из жизни морского офицера 1897–1905 гг. [Текст] / Г. К. Граф. – СПб. : Искусство России, 1997. – 226 с.
2. Дневник портартуровца полковника С. А. Рашевского [Электронный ресурс] // Исторический архив. – Выпуск X. – М. : Изд-во академии наук СССР, 1954. – Режим доступа: http://militera.lib.ru/db/rashevsky_sa01/index.html
3. Российский государственный военно-исторический архив, Ф. 487. ОП. 1. Д. 916. Л. 40.
4. Дружинин, К. И. Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца [Текст] / К. И. Дружинин. – СПб. : Рус. скоропечатня, 1912. – С. 504.
5. Жукова, Л. В. Формирование «образа врага» в русско-японской войне 1904–1905 гг. [Текст] / Л. В. Жукова // Военно-историческая антропология. Ежегодник. – М. : РОСПЭН, 2003–2004. – С. 259–275.
6. Колоколов, Г. На крейсере «Россия» [Электронный ресурс] / Г. Колоколов. – СПб. : Цитадель – 1997. – 48 с. – Режим доступа: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_22/kokolov-russia/
7. Кравченко, В. С. Через три океана [Текст] / В. С. Кравченко. – СПб. : Гангут, 2002. – 256 с.
8. О войне, любви и вере: Переписка мичмана князя Александра Щербатова со своей невестой княжной Софьей Васильчиковой 1904–1905 гг. [Текст] / сост. Е. А. Федоров, И. Г. Менькова, Д. А. Меньков. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2008. – 544 с.
9. Порт-Артурский дневник лейтенанта А. В. Колчака [Текст] // Советские архивы. – 1990. – № 5. – С. 62–74.
10. Сенявская, Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества [Текст] / Е. С. Сенявская. – М. : РОСПЭН, 2006. – 288 с.
11. Холмогоров, А. В. В осаде. Воспоминания портартурца [Текст] / А. В. Холмогоров. – СПб. : Типолит. В. В. Комарова, 1905. – 72 с.
12. Шуберт, Б. К. На крейсерах «Смоленск» и «Олег» [Текст] / Б. К. Шуберт. – СПб. : Гангут, 2009. – 248 с.

Bibliograficheskijski spisok

1. Graf, G. K. Morjaki. Oчерki iz zhizni morskogo oficera 1897–1905 gg. [Tekst] / G. K. Graf. – SPb. : Iskusstvo Rossii, 1997. – 226 s.
2. Dnevnik portarturovca polkovnika S. A. Rashevskogo [Jelektronnyj resurs] // Istoricheskijski arhiv. – Vypusk X. – M. : Izd-vo akademii nauk SSSR, 1954. – Rezhim dostupa: http://militera.lib.ru/db/rashevsky_sa01/index.html
3. Rossijskijski gosudarstvennyj voenno-istoricheskijski arhiv, F. 487. OP. 1. D. 916. L. 40.
4. Druzhinin, K. I Vospominanija o russko-japonskoj vojne 1904–1905 gg. uchastnika-dobrovol'ca [Tekst] /

K. I. Druzhinin. – SPb. : Rus. skoropechatnja, 1912. – S. 504.

5. Zhukova, L. V. Formirovanie «obraza vraga» v rusko-japonskoj vojne 1904–1905 gg. [Tekst] / L. V. Zhukova // Voенно-istoricheskaja antropologija. Ezhegodnik. – M. : ROSSPJeN, 2003–2004. – S. 259–275.

6. Kolokolov, G. Na krejsere «Rossija» [Elektronnyj resurs] / G. Kolokolov. – SPb. : Citadel' – 1997. – 48 s. – Rezhim dostupa: http://tsushima.su/RU/libru/i/Page_7/page_18/page_22/kokolov-russia/

7. Kravchenko, V. S. Cherez tri okeana [Tekst] / V. S. Kravchenko. – SPb. : Gangut, 2002. – 256 s.

8. O vojne, ljubvi i vere: Perepiska michmana knjazja Aleksandra Shherbatova so svoej nevestoj knjazhnoj

Sof'ej Vasil'chikovej 1904–1905 gg. [Tekst] / sost. E. A. Fedorov, I. G. Men'kova, D. A. Men'kov. – M. : Izd-vo PSTGU, 2008. – 544 s.

9. Port-Arturskij dnevnik lejtenanta A. V. Kolchaka [Tekst] // Sovetskie arhivy. – 1990. – № 5. – S. 62–74.

10. Senjavskaia, E. S. Protivniki Rossii v vojnah XX veka: Jevoljucija «obraza vraga» v soznanii armii i obshhestva [Tekst] / E. S. Senjavskaia. – M. : ROSSPJeN, 2006. – 288 s.

11. Holmogorov, A. V osade. Vospominanija port-arturca [Tekst] / A. V. Holmogorov. – SPb. : Tipolit. V. V. Komarova, 1905. – 72 s.

12. Shubert, B. K. Na krejserah «Smolensk» i «Oleg» [Tekst] / B. K. Shubert. – SPb. : Gangut, 2009. – 248 s.